*УДК 930*

# ПРИНЯТИЕ ПЕТРОМ I ИМПЕРАТОРСКОГО ТИТУЛА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ХАРАКТЕРЕ ВЛАСТИ МОСКОВСКИХ ГОСУДАРЕЙ

© 2018 А.Н. Злобин, Р.А. Черенков, А.А. Борисова

Воронежский государственный университет инженерных технологий

Статья поступила в редакцию 13.03.2018

В статье рассматриваются вопросы идеологического обоснования принятия Петром I императорского титула. Поднимается проблема соотнесения царского и императорского достоинства. В частности, обосновывается тезис о том, что великий князь Иван III, отказавшись от предложенного ему королевского титула, имел амбиции на равный с императором Священной Римской империи статус. Титул царя, принятый Иваном IV, воспринимался в Московском государстве и странах Западной Европы как равный императорскому. В статье показывается, что со временем в Западной Европе статус московских правителей начинают понимать как королевский и в официальных обращениях от имени императора к ним обращаются так же, как и к остальным европейским королям – «пресветлейшество». В этом контексте рассматриваются имперские амбиции самозванца Лжедмитрия I, который называл себя «цесарь» и предпринял акт коронации своей жены Марины Мнишек, которая именовалась «государыня цесарева». Акцентируется внимание на предпринятой в царствование Алексея Михайловича Романова неудачной попытке убедить римского императора признать московского царя за равного правителя и обращаться к нему не «пресветлейшество», как к королям, а «величество». На данном примере показывается, что, сумев убедить население Московского государства в своей преемственности Рюриковичам, первые Романовы не смогли восстановить в глазах европейских правителей пошатнувшийся в годы Смуты статус русской монархии. В работе акцентируется внимание на обусловленных эволюцией общественного мышления различиях в смысловой нагрузке титулов «царь» и «император». В Новое время источником власти является не только Бог. Высшую власть Сенат просит Петра I принять от имени общества. Император в Новое время – это не только исполнитель воли Всевышнего, а также служитель государству для достижения идеалов общественной пользы и благоденствия подданных. В заключении статьи делается вывод о том, что идея преемства верховной власти от Византийской империи в начале XVIII в. утрачивает былую актуальность, императорский титул воспринимается в политической культуре как обозначение высшей власти и предъявление амбиций на лидерство в мировой политике.

*Ключевые слова*: царь, император, цесарь, венчание на царство, коронация, величество, пресвет-

## Введение

18 октября 1721 г. вскоре после победоносного окончания Северной войны на секретном заседании Священного Синода было решено «молить царя» принять титул «Отца Отечества, императора всероссийского Петра Великого». 19 октября вице-президент Синода Феофан Прокопович проинформировал об этом решении Сенат. В течение следующих трех дней состоялись совместные заседания Сената и Синода. 20 октября с «письменным прошением» к Петру I был направлен А.Д. Меншиков. После переговоров с некоторыми сенаторами и епископами Петр согласился принять новый титул, который был преподнесен ему 22 октября 1721 г. в Троицком соборе Петербурга. Совершенно очевидно, что принятие нового титула было хорошо продуманной и спланированной акцией, не только приуроченной к знаменательной дате, которая потребовала существенных изменений в репрезентации государственной власти, как внутри страны, так и за ее пределами. Так, практически сразу был изменен государственный герб – над двуглавым орлом появилась императорская корона[1]. Произошли изменения в церемониях различных торжеств с участием членов правящей династии. Самым значительным церемониальным нововведением стала коронация жены императора – Екатерины I. До нее жены русских царей (за исключением Марины Мнишек) не короновались. Поменялось церковное возглашение членов царской семьи. Наконец поменя-

*Злобин Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории.*
*E-mail: dronns@ya.ru*
*Черенков Роман Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории.*
*E-mail: marselles2006@mail.ru*
*Борисова Алла Александровна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры философии и истории.*
*E-mail: allaborisova@yandex.ru*

лось название государства: Московское царство стало официально именоваться – Российская империя.

На международном уровне признание императорского титула потребовало времени и определенных дипломатических усилий. Немедленно его признали только Пруссия и Нидерланды, Швеция признала Россию империей в 1723 г., Австрия и Англия – в 1742 г., Франция и Испания – в 1745 г.

В связи с изменением официального наименования правителя России возникает ряд вопросов, попытка ответить на которые является **целью данной работы**. К таким вопросам относятся: чем отличается титул «царь» от титула «император», каким видели московские цари свое место в иерархии европейских правителей и зачем понадобилось принимать наименование «император»?

### Актуальность исследования

Исследователи не раз обращались к вопросам принятия русскими правителями тех или иных титулов, затрагивалась также проблематика соотношения амбиций российских монархов с достоинством европейских правителей. Из дореволюционных исследований, обращавшихся к теме обозначения царского достоинства, следует выделить работу В.И. Саввы[2], в которой обстоятельно проанализирован генезис царского титула московских правителей в контексте репрезентации их как духовных и политических преемников византийских императоров. Большой вклад в изучение различных аспектов истории царской власти и ее символики внес Б.А. Успенский[3]. Особое внимание исследователь уделял византийскому влиянию и репрезентативной стороне царского служения. Среди исследований, затрагивающих различные обстоятельства эволюции наименований российских правителей, стоит назвать работы А.А. Горского, С.М. Каштанова и С.Н. Кистерева[4]. Как правило, в научной литературе проблематика соответствия царского и императорского титулов затрагивалась в контексте изучения вопросов социально-политической истории конкретных исторических периодов или деятельности исторических личностей. Так, Л.В. Талина, изучая генезис российского самодержавия в XVII в., обращается к проблематике репрезентации царской власти первых Романовых[5], В. Ульяновский обращается к вопросам титулатуры и политических амбиций Лжедмитрия I в контексте изучения истории Смутного времени[6]. Особенности символики императорского и царского периодов российской истории, характер и обстоятельства заимствований в европейской политической практике рассматриваются в работе американского исследователя Р. Уортмана[7]. Нельзя не отметить обстоятельный труд А.И. Филюшкина, посвященный изучению титулов российских правителей средневекового периода[8]. Особенный интерес в данном труде представляет изучение царских амбиций и титулатуры Ивана IV, а также обширная историография проблемы.

Несмотря на относительную изученность проблемы, на наш взгляд, эволюция титулов «царь» и «император» недостаточно полно исследована в контексте политических амбиций русских правителей на фоне развития общественной мысли, общественного сознания и политической идеологии. Данная статья призвана восполнить данный пробел.

### Результаты исследования

Иван IV, принимая в 1547 г. царское достоинство, принимал титул ушедших в историю византийских императоров, а Россия, в понимании современников, становилась наследницей роли Византии в Восточной Европе – православной христианской империей. В 1557 г. Константинопольский патриарх подтвердил царский статус Ивана IV, при этом дело было представлено так, что царское достоинство даруется московскому правителю собором константинопольской церкви и патриархом: «По всем этим причинам наше смирение, по совету находящихся здесь преосвещенных митрополитов и боголюбезнейших епископов и содействием и благодатью пресвятого и живоначального духа, дает и дарует названному царю господину Иоанну право именоваться царем законным и благочестивейшим, венчанным нами законно и церковно, ибо он, как мы сказали, происходит и от рода, и от крови царской и приносит пользу христианству, и это со всех сторон законно и праведно для состояния и пользы всей христианской паствы»[9]. Характерно, что вопрос об утверждении нового титула Иван IV поставил перед Вселенским патриархом после того, как были покорены Казанское и Астраханское ханства, правители которых, как наследники Золотой Орды, считались в России царями[10]. Завоевание ханств (царств) придавало амбициям на обладание наивысшим из известных со времен библейских царей титулом дополнительную мотивацию. Царский титул изначально понимался правителями молодого Московского государства как превышающий по своему достоинству королевский и равный титулу императоров Священной Римской империи. На этом основании, претендуя на византийское наследство, еще Иван III отверг предложенную Римским императором Фридрихом III Габсбургом королевскую корону[11]. При нем же принимается такой же, как и у Римских императоров, герб – двуглавый орел, происходит церемония коронации внука Дмитрия

на Великое княжение, которая имела важное и понятное современникам семиотическое значение. Она была прямой аналогией с подобной древней и современной имперской практикой. Акт венчания внука был своего рода пожалованием короны. Таким образом, статус Ивана III институционализировался как императорский, а статус внука – как королевский. В контекст притязаний на императорский титул вписываются и усложнение церемониала московского двора, и чеканка престижных золотых монет по западноевропейскому образцу, и женитьба Ивана III на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. Принятие Иваном III титула «Государь вся Руси» было безусловным шагом в реализации новой имперской концепции русской власти. Скорее всего, этот титул связан с термином «господин» и отражал представление о его носителе как о неограниченном правителе[12].

Венчание Ивана IV царской короной правящими кругами Центральной и Восточной Европы было однозначно воспринято как претензия на титул, равный императорскому. Император, папа Римский и польско-литовские правители официально отказались признавать царский титул московского государя, считая это недопустимым. В христианском мире, согласно их воззрениям, второму цесарю места не было. При этом титул «Государь» воспринимался как равный королевскому и не вызывал особых возражений. Во время приема русского посольства королем Сигизмундом в 1554 г. данная позиция была заявлена определенно: «Кгдыж по цесари Хрестианьскомни который господарь у Христианьстве тым именем не называется, кроме бусурменьских царей, а он, брат наш (Иван Грозный) есть Господарем Хрестианьским»[13]. В то же время англичане, датчане и шведы, не разделявшие геополитических амбиций Рима и Вены, отнеслись к новому наименованию Ивана IV индифферентно и, более того, переводили его не иначе как «Emperor» (император)[14], а в латинском варианте «Imperatori» или «Principi» (принцепс)[15]. Интересным и в чем-то парадоксальным является факт официального признания за русскими князьями императорского титула в то время, когда они сами себя официально в дипломатической переписке называли великими князьями и государями. Например, в договоре Московского государства с Данией 1493 г. Иван III называется «totius rutzcie Imperator». Также в качестве примера можно привести применение титулов Imperator и Kayzer в проекте договора со Священной Римской империей 1514 г. Альберт Компьенский между 1523 и 1525 гг. характеризовал Московское царство как империю (Moscoutico imperio), Павел Йовий в 1525 г. использовал в отношении России термин «Principis». Как пишет А.И. Филюшкин: «использование определения «император» не навязано Россией: европейцы сами так квалифицировали московита из-за главного имперского признака: наличие в составе его державы многих разнообразных полиэтничных земель, бывших суверенных государств, покоренных силой оружия»[16]. Такой «либеральный» подход был связан, видимо, с тем обстоятельством, что западные страны не определились еще со своим отношением к ново-появившемуся на их восточной границе государству и надеялись кооптировать его в свою политическую систему посредством дарования ее правителю королевского титула и заключения католической унии.

Со временем, возможно, под влиянием труда С. Герберштейна «Записки о Московии» 1549 г., в котором он обосновывал тождественность русского слова czar западноевропейскому королю, в Европе царский титул перестали воспринимать как императорский. Титулы «цесарь» и «царь» утратили знак равенства. С 1600 г. в грамотах между цесарем Рудольфом II и царем Борисом Годуновым первый титуловался как «величество», а второй, как и все остальные европейские короли, – «пресветлейшество». Такое наименование русского царя закрепилось в царствование Василия Шуйского и стало в последующем, до принятия Петром I титула «император», обычной практикой.

Попыткой повысить статус Московской монархии стали претензии Лжедмитрия I на императорский – цесарский титул. Императорские амбиции интересным образом сочетались в его доктрине с традиционной символикой царства, аллегорическими отсылками к образам библейских ветхозаветных царей и теориями об «идеальном государстве», разрабатываемыми немецкими, итальянскими и испанскими мыслителями[17]. Личные воззрения самозванца на природу государственной власти и исключительности своего места в истории отразились в спорах с польскими дипломатами о титуле. В письме к Сигизмунду III от 5 сентября 1605 г. Лжедмитрий пишет: «мы венчаны и священным миром помазаны святейшим нашим патриархом не только в сан императора обширных наших владений, но и в сан короля всех царств татарских, которые с давних времен повинуются нашей монархии»[18]. Как справедливо замечает В. Ульяновский: «Лжедмитрий I подчеркнул равновеликость своей власти и власти единственного современного императора и ее превосходство над королями Запада и царями Востока. Вряд ли это можно интерпретировать только как ориентацию на западную культурно-политическую традицию; думаем, что такая постановка вопроса была скорее разговором с Западом его языком и его символами высшей земной власти»[19]. В иностранной корреспонденции с осени 1605 г. самозванец использует ти-

тул: «Мы, Пресветлейший и Непобедимийший монарх Дмитрий Иванович, Божиею милостию цесарь и Великий Князь всея России, и всех татарских государств, и прочих многих земель, к монархии Московской принадлежащих государь и король»[20]. Термин «царь» в титуле Лжедмитрия сознательно меняется на «цесарь» – так (или «кесарь») в России именовали западного императора. Тем самым подчеркивался равный статус Московского и Римского монархов. Марина Мнишек также периодически именуется «государыня цесарева». Наименования «Пресветлейший» и «Непобедимийший» также указывают на амбиции самозванца утвердить свою власть как наивысшую и наимогущественнейшую.

За две недели до своей гибели 3 мая 1606 г. на приеме польских послов, выражая неудовольствие непризнанием своего титула со стороны польского короля, самозванец произнес характерную речь: «…Итак, объявляем его королевской милости, что мы не только государь, не только царь, но и император и не желаем как-нибудь легко потерять этот титул для наших государств. Если его королевская милость признает нас своим братом и другом, то почему не признает за нами того, что нам принадлежит»[21].

В этой речи, а также в записке, составленной для посольства Афанасия Власьева, Лжедмитрий обосновывает свое право на императорский титул при помощи доводов, которые носят вполне рационалистический характер, его аргументы далеки от традиционных объяснений происхождения власти московских государей. Он пытается объяснить причины, характер и сущность монаршей власти как таковой, рассматривает ее в историческом контексте и развитии. Право называться императором самозванец обосновывает тем, что «не только над нами нет никого кроме Бога, но мы еще другим раздаем права, и что еще больше, мы – государь в великих государствах наших, а это и есть быть монархом, императором. По милости божией, мы имеем такую власть и право повелевать, какие имели короли Ассирийские, Мидийские, Персидские, имеем также под своей властью несколько царей – Татарских». Интересно, что царский сан, принятый его мнимым отцом – Иваном IV, Лжедмитрий не приравнивает к императорскому, а свои амбиции объясняет не только фактической властью, но и развитием общества: «мы хорошо знаем, что наши предки не употребляли этого титула и не домогались его, но это нам нисколько не вредит, потому что молчание монархов о праве или не употребление его нисколько не подрывает его… Притом всякое государство начинает свою жизнь в простоте и грубости, а чем дольше существует, тем больше развивается в своих законах, обычаях и даже в речи». Для рационалистического мировоззрения Лжедмитрия не имеют никакого значения теоретические построения, согласно которым в христианском мире не может быть двух царей. Он прямо заявляет, что «всякому государю позволено называться, как кто пожелает»[22]. Развивая идеологию империи, обосновывая ее постулаты светскими аргументами, Лжедмитрий, вне всякого сомнения, опережал свое время более чем на сто лет.

Под стать имперским амбициям самозванца была и символика его власти. Для него был изготовлен новый трон, символически и в главных деталях украшений напоминающий трон царя Соломона, как его описывает III Книга Царств. Таким образом, самозваный сын Ивана IV подчеркивал идею духовной преемственности своей власти от древних библейских царей. Львы у подножия трона, вероятно, олицетворяли темные силы, возвышаясь над которыми, московский царь символизировал торжество правды, что было созвучно одному из титулов, присвоенных себе самозванцем в дополнение к императорскому, – «непобедимый». Характерно, что Петр I принимает императорский титул только после того, как побеждает Швецию в затяжной войне и тем самым подчеркивает «непобедимость» Российского государства. Статус Петра, в отличие от амбиций самозванца, основывался на реальных делах и результатах. Тем не менее Лжедмитрий I, предъявляя претензии на императорский титул, во многом был предтечей великого русского реформатора. Прямую параллель можно проследить между коронациями Екатерины I – супруги Петра Великого и Марины Мнишек – жены самозванца. Московские царицы никогда до Марины и после нее до Екатерины не короновались. Обе царицы были иностранками. На обеих были возложены новосделанные по западному образцу короны. Серьезным отличием было то, что на Марину Мнишек корону возлагал патриарх, а на Екатерину I – царь[23].

В царствование Алексея Михайловича Романова была предпринята попытка убедить римского императора признать московского царя за равного правителя и обращаться к нему не «пресветлейшество», как к королям, а «величество». Кроме того цесарю предлагалось самолично вручать русским послам грамоты во время последней аудиенции, как это делал московский царь. Однако римский двор на уступки не пошел и, ссылаясь на сложившуюся традицию, продолжал настаивать на сохранении сложившегося порядка[24]. Сумевшие внутри страны утвердить мысль о своем наследовании династии московских Рюриковичей, первые Романовы не смогли на международном уровне восстановить пошатнувшийся в годы Смуты статус русских царей. Принятие Петром I императорского титула служило этой цели и устраняло непонимание амбиций российской монархии со стороны европейской дипломатии.

Несмотря на то, что титул «император» означает в традиционном понимании иерархии то же, что и царь, отличие между этими двумя ти-

тулами все же есть. Источником власти российского императора в новое время является уже не только Бог. Не патриарх от имени Всевышнего дает земному правителю санкцию на верховную власть, а сенат от имени народа просит правителя принять ее. В этой концепции отразилась характерная для светского секуляризированного общества контрактная теория.

Общественное сознание в России конца XVII - начала XVIII в. стремительно европеизировалось. Идеалы организованного общества, существующего для удовлетворения материальных потребностей людей как основы сильного и славного государства, все больше проникали из Европы и овладевали умами. Одной из целей мудрого правителя в таком обществе было служение общему благу. Еще в царствование Федора Алексеевича, как пишет Г.В. Талина, «традиционное представление об идеальном православном государе наполнилось характеристиками исключительно светского толка: защитник Отечества, опасный враг врагов России и христианского мира»[25].

Одним из основных идеологов эпохи Петра Великого был его ближайший сподвижник, видный церковный деятель Феофан Прокопович. Его доводы, обосновывающие государственное устройство и власть правителя, носили рационалистический характер. Прокопович, доказывая необходимость абсолютной власти монарха, видел ее истоки в «природе» человека и в «естественных законах». Он считал, что государство создано «договором», который прекращает эпоху естественного состояния, характеризующуюся чередованием мира и войны, ненависти и любви, добра и зла. Государство обеспечивает в обществе благо и мир, который достигается за счет того, что люди, предав монарху свою волю, берут на себя обязательство повиноваться ему во всем ради общей пользы[26]. Император в XVIII в. – это уже не правитель, спасающий души подданных и отвечающий за их спасение на Страшном суде, – это слуга народа и отец Отечества, радеющий для общего блага, земного процветания, возвеличивающий славу и влияние государства. Р. Уортман акцентирует внимание на том, что церковная роль царя как защитника веры и участника симфонии правителя и патриарха не соответствовала «более нуждам автономно действующего монархического правления». Новая роль монарха требовала нового языка политических символов и образов, которые заимствуются в западноевропейской ритуалистике. Главной государственной церемонией становится торжественный въезд в столицу после одержанной военной победы, в ходе которой «изображения античных богов, а не благочестивых византийских императоров «возвышали» его (Петра) царский образ»[27]. Император теперь – это не кроткий и смиренный православный правитель, а вождь-триумфатор, военную мощь которого символизируют персонажи римской мифологии Геркулес и Марс.

Идея богоизбранности царской власти, не отбрасывается совсем, она теперь сочетается с рационалистическим воззрением на ее задачи и функции в обществе. Служба государю в XVIII в. трансформируется в службу Отечеству, которое отождествляется как с личностью монарха, так и с государственностью в целом. В организованном обществе каждый человек должен быть полезен на своем месте и трудиться для общего блага во славу государства и по примеру государя.

## Заключение

Идея преемства православного царства от Византийской империи в новую эпоху, характеризующуюся светским мышлением и ценностями, утратила свою актуальность. Императорский титул стал восприниматься просто как обозначение высшей власти, а также как претензия на лидирующую роль в мировой политике. Похожие настроения формировались и в Западной Европе: там в скором времени Наполеон примет титул императора, а Британское королевство будет называть себя империей. Также как в свое время Лжедмитрий I, Петр I, принимая императорский титул, пытался говорить с Западом на языке его символов, претерпевших за прошедшее время существенную внутреннюю деформацию. Во всех смыслах принятие императорского титула Петром I соответствовало духу нового времени, знаменовало собой разрыв с традиционным для Московского царства пониманием монаршей власти и миссии государя.

## ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Талина Г.В.* Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII - первой четверти XVIII века. М., 2010. С.49.

[2] *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901.

[3] *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. 668 с.; *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как историко-культурный феномен // Художественный язык средневековья. М., 1982. С.201-235; *Успенский Б.А.* Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. 140 с.

[4] *Горский А.А.* О титуле «Царь» в средневековой Руси (до середины XVI в.) // Одиссей: Человек в истории. М., 1996. С.205-212; *Каштанов С.М.* Эволюция великокняжеского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // Россия и Христианский Восток. В.1. М., 2007. С.105-134; *Кистерев С.Н.* «Великий князь всея Руси» в IX-XV вв. // ОФР. М., 2002. Вып.6. С.47-85.

[5] *Талина Г.В.* Указ. соч. 305 с.

[6] *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. 403 с.

[7] *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. От Петра Великого до смерти Николая I. (Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып.8). М., 2002. 608 с.
[8] *Филюшкин А.И.* Титулы русских государей. М. - СПб., 2006. 540 с.
[9] *Фонкич Б.Л.* Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II и собора Восточной церкви, утверждающая царский титул Ивана IV. М., 2004. С.386-387.
[10] См.: *Филюшкин А.И.* Указ. соч. С.119-121.
[11] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т.I. Памятники дипломатических сношений с империею Римскою (с 1488 по 1594 год). СПб., 1851. С.12, 17.
[12] *Пушкарев Л.Н.* Богоизбранность монарха в менталитете русских придворных деятелей рубежа нового времени // Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999. С.59.
[13] Материалы приема посольства В.М. Юрьева королем Сигизмундом, апрель 1554 г. // КПМ-I. №69.
[14] *Толстой Ю.* Сорок лет сношений между Россиею и Англиею. 1553-1593. СПб., 1875. С.7, 13.
[15] *Любименко И.* История торговых сношений России с Англией. Вып.1. Юрьев, 1912. С.143-144, 146-148.
[16] См.: *Филюшкин. А.И.* Указ. соч. С.106-109.
[17] Более подробно см.: *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. С.343-355.
[18] РИБ., СПб., 1872. Т.1. Стб.40-41; Архив исторических и практических древностей, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым. СПб., 1860. Кн.1. С.55.
[19] *Ульяновский В.* Указ. соч. С.346.
[20] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г. М., 1862. Ч.2. С.57.
[21] РИБ. Т.1. Стб.412-418.
[22] РИБ. Т.1. Стб.412-418.
[23] СГГД. Ч.2. №138, 289-293.
[24] *Талина Г.В.* Указ. соч. С.47-48.
[25] *Талина Г.В.* Указ. соч. С.69.
[26] *Гурвич Г.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича и ее западноевропейские источники. Юрьев. 1915. С.377; *Петров Л.А.* Общественно-политические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск. 1959. С.27; *Вдовина Л.Н.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С.3.
[27] *Уортман Р.* Указ. соч. С.31-69.

## ADOPTION OF THE IMPERIAL TITLE BY PETER I IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF REPRESENTATIONS ON THE MOSCOW TSARS' POWER

© 2018 A.N. Zlobin, R.A. Cherenkov, A.A. Borisova

Voronezh State University of Engineering Technologies

The article deals with the ideological justification for the adoption of the imperial title by Peter I and the problem of correlating between the titles of "tsar" and "emperor". In particular, the authors argue that Grand Prince Ivan III had renounced the offered royal title because he cherished ambitions for an equal status with the emperor of the Holy Roman Empire. The title of tsar adopted by Ivan IV was perceived in the Moscow state and countries of Western Europe as equal to the title of emperor. But over time, the status of Moscow rulers was interpreted as royal by Western Europeans, and the Emperor of the Holy Roman Empire officially addressed to them as «blissfulness», the same title that he used for other European kings. In this context the authors highlight the imperial ambitions of the pretender False Dmitry I who called himself «Caesar», and coronated his wife Marina Mniszech as a «Cesarean Empress». They focus on the unsuccessful attempt of Alexei Mikhailovich Romanov who persuade the Roman emperor to recognize the Muscovite tsar as an equal ruler and to address the Muscovite tsar as «majesty» (instead of king's title «luminosity»). This example reveals that the first Romanovs had managed to convince the population of Moscow state that they were the truly successors to Rurik dynasty, but they could not restore the status of the Russian monarchy in the eyes of European rulers. In this paper, special attention is focused on the differences between the semantic load of the titles «king» and «emperor», which were determined by the evolution of social thought. In modern times, not only God was viewed as a source of power; the Senate asked Peter I to accept the supreme power on behalf of society. The emperor in modern times was viewed not only as the executor of the will of the God, but also as a servant to the state for a sake of ideals of the public good and welfare of his subjects. The authors come to the conclusion that the idea of succession of supreme power from the Byzantine Empire at the early 18th century lost its former relevance; the imperial title was perceived in political culture as a designation of the highest power and the expression of ambitions for leadership in world politics.
*Keywords:* tsar, emperor, Caesar, crowning, coronation, majesty, luminosity.

*Andrey Zlobin, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Philosophy and History.*
*E-mail: dronns@ya.ru*
*Roman Cherenkov, Candidate of History, Associate Professor of the Chair of Philosophy and History.*
*E-mail:* marselles2006@mail.ru
*Alla Borisova, Candidate of History, Assistant of the Department of Philosophy and History.*
*E-mail: allaborisova@yandex.ru*